

— Кхе-кхе, выбираю правду, — она обвела всех серьёзным взглядом. — Я больше не люблю мужчин, только женщин.

— ...

За исключением Е Ицин, остальные трое замерли в замешательстве. Е Цинъян была поражена, Цзян Юнцзюнь попросту не знал, как реагировать, а у Лань Си сначала блеснули глаза, но тут же, по неизвестной причине, снова потухли.

— Эй, ну и выражения у вас! Я же правду сказала! Ладно, продолжаем.

Шан Цяньмо снова бросила кости:

— Что тут у нас? Ага, тройка! Ха-ха, Ледяная дева, твоя очередь. Раз я выбрала правду, с тебя действие.

Видя полные ожидания взгляды друзей, Шан Цяньмо пришла в такой восторг, что её глаза буквально засветились. Е Ицин, глядя на её коварную улыбку, почувствовала недоброе: наверняка та снова придумала что-то бесстыдное.

И действительно:

— Ледяная дева, выбери любого из троих и поцелуй его в губы на десять секунд! — Шан Цяньмо не преминула добавить: — Обязательно в губы, никаких других мест!

— ...

— Ну же, Ледяная дева, ты согласилась играть, назад дороги нет!

— ...

— Быстрее, не тяни. Подумаешь, всего лишь поцелуй. Я ведь не указала, кого именно целовать, так что я к тебе ещё добра.

— ...

Е Ицин сидела, скрестив руки на груди, не шевелясь и не меняясь в лице. Е Цинъян с тревогой смотрела на неё. Она уже хотела попросить Шан Цяньмо придумать что-нибудь другое, как та вдруг добавила:

— А если не хочешь в губы, можешь выбрать мужчину и чмокнуть его в щёку.

Е Цинъян подумала: это же прямой намёк на то, чтобы мамочка поцеловала Цзян Юнцзюня? Они с детства знакомы, он влюблен в неё, и, самое главное, он мужчина. Поцеловать в щёку — пустяк, мамочка наверняка выберет его.

От этой мысли у Е Цинъян внезапно защемило в груди. Она не хотела видеть, как Е Ицин целует кого-то другого, пусть даже в щёку, но разве могла она что-то запретить?

Неужели ей и дальше придётся смотреть, как мамочка встречается с другими, становится чьей-то девушкой, потом чьей-то женой, а в конце — матерью чужих детей? Одно представление об этом причиняло невыносимую боль. Если этот день настанет, не станет ли жизнь хуже смерти?

Е Цинъян охватило чувство бессилия и отчаяния. Она отвернулась, не желая видеть того, что произойдет дальше, но в следующую секунду замерла, словно пораженная током. Холод, внезапно коснувшийся её губ, заставил её широко распахнуть глаза. Перед ней мелко подрагивали длинные изогнутые ресницы.

Мир вокруг вдруг стал абсолютно безмолвным, Е Цинъян слышала лишь собственный бешеный пульс. Тук-тук, тук-тук, всё быстрее и быстрее.

Голова Е Цинъян опустела, окружающие звуки слились в монотонный гул. Холод на губах оставался отчетливым, а тонкий аромат продолжал кружить голову.

Ей казалось, что её губы сковало льдом, она не могла пошевелиться, всё тело оцепенело. Она лишь смотрела широко раскрытыми глазами на сидящую напротив Е Ицин, на её алые, манящие губы, чувствуя, как её собственные мелко дрожат.

Мамочка только что поцеловала её? Губы мамочки такие холодные, словно прохладный ветерок, ворвавшийся в её разгоряченное сердце. Такие мягкие — нежнее любого лакомства, которое она пробовала. И такие ароматные — этот холодный запах обладал магической силой, заставляя желать большего, не отпуская ни на секунду.

Прошло всего десять секунд, но ей показалось, что целая вечность. Е Цинъян медленно подняла руку, чтобы коснуться оставшегося на губах холодка, как вдруг раздался резкий смех Шан Цяньмо:

— Ха-ха, Ледяная дева, смотри, ты малую совсем напугала!

Е Цинъян вздрогнула и поспешно опустила руку. Её взгляд невольно встретился с холодными глазами Е Ицин, и в её собственных глазах заметалась паника, словно у пойманной рыбки.

Е Ицин бросила взгляд на Шан Цяньмо:

— Хочешь играть — играй, не болтай лишнего.

Шан Цяньмо с ехидной улыбкой взъерошила волосы Е Цинъян:

— Очнись, малая, это было по-настоящему, тебе не привиделось!

Она снова расхохоталась, и Е Цинъян окончательно смутилась, не решаясь даже взглянуть в сторону Е Ицин.

— Так, следующий ход будет поинтереснее. Выйди наружу, обними первого встречного и громко скажи: Я тебя люблю!

— ...

Е Цинъян вдруг расхотелось играть (хотя ей этого не хотелось с самого начала), потому что она не знала, какие ещё пакости придумает эта любительница хаоса. А если очередь дойдет до неё?

— Ха-ха, четыре! — Шан Цяньмо внезапно зашлась смехом, напугав Е Цинъян. Та подняла голову и увидела, что Шан Цяньмо смотрит на неё с пугающей ухмылкой.

— Хи-хи, малая, иди скорее.

Е Цинъян полминуты переваривала услышанное, а потом указала на себя:

— Я?

— Даже если притворяешься дурочкой, всё равно иди! Быстрее, не тяни! — Шан Цяньмо подняла её с места и, не слушая возражений, вытолкала к выходу.

Е Цинъян стояла у двери, беспомощно оглядываясь на Е Ицин, которая сидела на диване. Та встретила её взглядом и сделала глоток воды.

У Е Цинъян на глаза навернулись слёзы. Это значит, она не собирается вмешиваться и бросает её на произвол судьбы? Ну как же так, мамочка! Она ведь только что даже спела ту дурацкую песню ради неё!

Шан Цяньмо, стоявшая позади, видя, что та не двигается, подтолкнула её в спину, и Е Цинъян была безжалостно выдворена в коридор.

Она стояла посреди коридора, нервничая и озираясь по сторонам. Минута, две, три... ни души. Е Цинъян обернулась и с невинным видом посмотрела на Шан Цяньмо:

— Сестра Мо, никого нет. Тут уж я не виновата.

Она пожала плечами, делая вид, что разочарована, и собралась вернуться, про себя радуясь, что они в VIP-зале, где почти никого нет, иначе ей бы не поздоровилось.

Но как только она собралась уйти, Шан Цяньмо снова вытолкнула её:

— Идёт кто-то, давай!

Е Цинъян устояла на ногах и подняла голову. Действительно, по коридору кто-то шел. Ну надо же, не раньше и не позже! Неужели так одиноко, что приспичило искать компанию?

Пока Е Цинъян мысленно ворчала, Шан Цяньмо потеряла терпение:

— Малая, чего ты копаешься? Давай быстрее!

Е Цинъян жалобно посмотрела на неё:

— Может, не надо, сестра Мо?

Шан Цяньмо улыбнулась до жути нежно:

— Будешь тянуть — не обнимай.

Е Цинъян уже хотела обрадоваться, как та добавила:

— Целуй сразу!

Е Цинъян возненавидела её всей душой. Что за женщина, только и умеет, что издеваться над детьми! Хм, подумаешь, что такого? Просто обнять, ничего страшного, всё равно это женщина!

Хотя она так думала, ладони её вспотели. Е Цинъян глубоко вдохнула, посмотрела на приближающуюся женщину, сжала кулаки, зажмурилась и бросилась вперед.

— Я тебя люблю!

Прокричав это с видом смертника, она крепко обняла женщину и приготовилась к ругани или побоям. Но в ответ — тишина, лишь где-то вдали послышался приглушенный смешок негодяйки Шан Цяньмо.

Неужели она её напугала до слёз? Среди бела дня к женщине пристают с признаниями... Е Цинъян занервничала и, собравшись открыть глаза, услышала над головой сладкий, странно знакомый голос:

— Ха-ха, я тебя тоже люблю.

Е Цинъян резко распахнула глаза и подняла голову. Перед ней было до боли знакомое, обольстительное лицо — Цзян Чжимей!

Она резко вскинулась, но увидела лишь спину Си Цин, а на кафедре надрывался Хао Цзяньжэнь. Фух, всего лишь сон.

Е Цинъян облегченно выдохнула. В тот день ей и правда не повезло: мало того, что пришлось обнимать первого встречного, так это ещё оказалась знакомая, да к тому же опасная женщина, с которой мамочка запрещала общаться.

Взгляд, которым Цзян Чжимей смотрела тогда на Е Цинъян, напоминал лису, наблюдающую за добычей, — в нём сквозила хитрость и уверенность в победе. Е Цинъян тогда просто оцепенела, не зная, что делать, пока не послышался знакомый стук каблуков.

Е Ицин не проронила ни слова, взяла Е Цинъян за руку и увела прочь. Шан Цяньмо, следовавшая за ними, лишь бросила Цзян Чжимей:

— Малая перепила, с головой не дружит.

С тех пор Е Цинъян постоянно видела этот сон и каждый раз просыпалась в холодном поту. Всё из-за тёти Мо, вот уж у кого совсем нет стыда.

Впрочем, справедливость восторжествовала: в следующем раунде в ступор впала уже Шан Цяньмо. Ей выпало говорить правду, и Лань Си при всех призналась ей в любви...

Тетушка Чжан, закончив с делами на кухне, вышла в гостиную и увидела, что Е Ицин одна смотрит телевизор. Она поставила нарезанные фрукты перед ней и присела рядом.

— Интересно, поужинала ли Сяо Ян, — вдруг произнесла она.

Е Ицин не отрывала взгляда от экрана:

— Она не ребенок, позаботится о себе.

Тетушка Чжан вздохнула:

— Говорят, в школьной столовой кормят невкусно, не знаю, привыкла ли она. Она и так худенькая, если будет голодать, совсем истощает.

— ... — Е Ицин промолчала.

Через несколько дней после дня рождения Шан Цяньмо Е Цинъян вдруг объявила, что переезжает в общежитие, мол, скоро выпускные экзамены, нужно оставаться на вечерние занятия, а возвращаться поздно неудобно. Е Ицин молча кивнула.

— Даже если живет в школе, могла бы наведываться домой. Я бы приготовила что-нибудь вкусное, подкормила её. Уже почти неделя прошла, а она ни разу не заглянула.

Спустя некоторое время раздался холодный голос Е Ицин:

— Если соскучилась, скажи ей, чтобы приехала на выходные.

Тетушка Чжан посмотрела на неё с досадой: сама ведь скучает, а попросить приехать не хочет.

На самом деле, тетушку Чжан беспокоило не только питание Е Цинъян, но и состояние Е Ицин. С тех пор как девушка съехала, режим питания Е Ицин сбился, она ела мало, иногда и вовсе отказывалась от еды.

Раньше Е Ицин сразу после работы возвращалась домой, а в последнее время стала задерживаться, иногда даже возвращалась навеселе.

Глядя на то, как Е Ицин по вечерам в одиночестве сидит перед телевизором, тетушка Чжан чувствовала жалость. Ей казалось, что хозяйка выглядит слишком одинокой, и она пыталась завести разговор, но что простая прислуга могла сказать госпоже?

Спустя неделю. 23-й этаж бизнес-центра «Цинъюань», кабинет президента.

Кэлань робко стояла перед столом, глядя, как Е Ицин нахмурившись просматривает документы. Казалось, воздух вокруг застыл.

Е Ицин с грохотом захлопнула папку и швырнула её на стол:

— Переделай. Если и в этот раз меня не устроит, они знают, что делать.

— Да, госпожа Е. — Кэлань дрожащими руками взяла бумаги и поспешно вышла.

Е Ицин не проронила ни слова, лишь потерла переносицу.

Вибрация телефона. Е Ицин мельком взглянула на экран — незнакомый номер. Она дала ему прозвонить несколько раз, прежде чем ответить.

— Алло, здравствуйте, я говорю с госпожой Е Ицин, матерью Е Цинъян? — раздался мужской голос.

— ... — Е Ицин промолчала.

На том конце, казалось, замешкались:

— О, простите, я классный руководитель Е Цинъян, моя фамилия Хао.

— ...

Через пять минут разговор закончился. Лицо Е Ицин стало ещё холоднее, чем прежде. Она сдвинула брови и уставилась в панорамное окно на небоскребы.

— Я хотел спросить, не случилось ли чего дома? В последнее время Е Цинъян на уроках постоянно спит. Спрашиваю, что случилось, она говорит, что просто не выспалась. Скоро экзамены, она всегда была отличницей, нельзя же так...

20:30, кафе.

Е Цинъян попрощалась с парнем, с которым познакомилась в прошлый раз, и ушла в подсобку. Сняла форму, переделалась, поправила перед зеркалом волосы, взяла рюкзак и вышла.

Сегодня после уроков ей позвонила Е Ицин и велела приехать вечером. Е Цинъян подумала и

согласилась, пообещав быть к девяти после занятий. Отпросившись у хозяина кафе на час раньше, она отправилась домой.

Е Цинъян ехала на велосипеде быстро, машин на ночных дорогах было немного. Хотя мамочка не сказала, что случилось, Е Цинъян чувствовала — она чем-то недовольна.

На светофоре она затормозила, глядя на тающий красный свет, и перебирала варианты. Неужели из-за того, что она не появлялась дома почти полмесяца? Или мамочка что-то узнала?

Загорелся зеленый. Е Цинъян покачала головой: нет, невозможно. Откуда ей знать? Она никому не говорила, даже Си Цин и Линь Му не в курсе.

Пока она предавалась раздумьям, раздался оглушительный рев мотоциклов, прорезавший ночную тишину. Следом её ослепили яркие лучи фар, от которых Е Цинъян пришлось зажмуриться...

21:30, вилла семьи Е.

Е Ицин сидела на диване, скрестив руки, и холодно смотрела на часы — 21:30.

Тетушка Чжан вышла из комнаты и тоже взглянула на часы:

— Сяо Ян говорила, что будет к девяти, почему её до сих пор нет?

Е Ицин ничего не ответила, взяла телефон, открыла журнал вызовов и набрала незнакомый номер. Ответили после второго гудка.

— Это Е Ицин. Где Е Цинъян?

Хао Цзяньжэнь на том конце замешкался:

— О, госпожа Е? Е Цинъян ушла сразу после уроков. Разве она ещё не дома?

Е Ицин нахмурилась ещё сильнее. Она уже собиралась положить трубку, как Хао Цзяньжэнь добавил:

— Она очень дружна с Си Цин и Линь Му, может, зашла к кому-то из них?

— Пришлите мне их номера, спасибо.

Она сбросила вызов. Через минуту пришли сообщения. Е Ицин сразу позвонила Си Цин, а потом Линь Му. Ответы были одинаковыми: они не знают, где она, так как Е Цинъян живет в общежитии, а они — дома.

Е Ицин с помрачневшим лицом поднялась на второй этаж, а через пару минут спустилась уже в домашней одежде — фиолетовой футболке и светло-голубых джинсах.

У порога она начала надевать обувь и сказала тетушке Чжан:

— Я поеду поищу её. Если вернется — звони.

Тетушка Чжан хотела посоветовать быть осторожнее, как вдруг раздался дверной звонок.

Глаза тетушки Чжан блеснули:

— Неужели Сяо Ян вернулась?

Е Ицин стала ещё холоднее и направилась к двери.

Когда она открыла её, на пороге действительно стояла Е Цинъян со слабой улыбкой на лице.

— Мамочка, я приехала.

Видя эту улыбку, Е Ицин почувствовала, как внутри вспыхнул огонь. Она уже хотела отчитать её, как вдруг Е Цинъян, потеряв контроль, завалилась прямо на неё.

С глухим стуком Е Ицин упала на пол, а Е Цинъян всей тяжестью навалилась сверху.

Услышав шум, тетушка Чжан вскрикнула:

— Госпожа!

Е Ицин посмотрела на лежащую на ней девушку. Брови нахмурены, глаза плотно закрыты, лицо белое как полотно. Сердце Е Ицин пропустило удар. Она медленно вытащила руку, придавленную к животу девушки, и увидела яркое, ослепительное пятно крови...